

Т. Амброзяк

ПОЛОЖЕНИЕ ЛИТВЫ В СТРУКТУРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ ПОСЛЕ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-64-70

УДК 94(474.5)“15/16”

ББК 63.3(4Лит)5

В статье рассматривается место Великого княжества Литовского в структуре государственной власти в Речи Посполитой и отношение к ней литовских поветовых сеймиков во второй половине XVI — первой половине XVII вв. Проводится анализ институционального характера роли Великого княжества в структуре польско-литовского государства. Для выявления отношения к рассматриваемым вопросам более широких слоев шляхетского сословия, проявившегося на местном уровне, изучено делопроизводство литовских поветовых сеймиков. Проанализированы как общие институты власти Речи Посполитой, так и признаки государственности Литвы после Люблинской унии: наличие собственного названия и его роль в формировании литовской идентичности, наличие и размер собственной территории, наличие собственных институтов власти. Это помогло не только определить формальные институциональные рамки Литвы в структуре Речи Посполитой, но и ответить на вопрос, являлось ли Великое княжество Литовское одной из двух составных частей польско-литовского государства или всего лишь одним из его регионов, а также в какой степени его положение соответствовало представлениям литовской шляхты, выраженным в деятельности местных, поветовых сеймиков.

Ключевые слова: *Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, сеймики, литовский партикуляризм, интеграционные процессы*

Одним из интересных примеров соотношения центра и регионов в раннее новое время является учрежденная в результате Люблинской унии в 1569 г. польско-литовская Речь Посполитая. Вопреки постановлениям акта унии, она отнюдь не являлась единым и неделимым телом, в котором полностью растворились существующие до того отдельные государства — Польская Корона и Великое княжество Литовское.

Рассмотрим отношение литовских поветовых сеймиков к положению Литвы в рамках Речи Посполитой. Для этого проанализируем не только институциональный характер Великого княжества в структуре польско-литовского государства, но и документы делопроизводства литовских поветовых сеймиков, что позволит нам увидеть отношение более широких слоев шляхетского сословия к рассматриваемым вопросам, проявляющееся на местном уровне. Подобный подход даст возможность определить формальные институциональные рамки Литвы в структуре Речи Посполитой, а также ответить на вопрос, являлось ли Великое княжество Литовское одной из двух составных частей польско-литовского государства или же всего лишь одним из его регионов

и в какой степени его положение соответствовало представлениям литовской шляхты, выраженным в деятельности местных, поветовых сеймиков.

Стоит отметить, что Великое княжество Литовское заключило Люблинскую унию, имея довольно логичную систему деления, созданную в ходе реформ 1564–1566 гг. Литва была разделена на воеводства, которые, в свою очередь, делились на поветы — основные единицы административного, судебного, политического и военного деления. В каждом повете существовал свой сеймик, система шляхетских должностей и судов, была организована военная служба шляхты, а также выбиралось по два (на жмудском сеймике — три) посла на общий литовский сейм. В каждом из воеводств был собственный воевода (на Жмуди — староста) и каштелян, которые входили еще и в состав сената.

Созданная в 1564–1566 гг. система деления Великого княжества Литовского принципиально отличалась от сложной системы деления Польской Короны, являющейся следствием долгого процесса эволюции. В Польше системы административного, судебного, политического и военного деления не совпадали, создавая иногда весьма запутанные конфигурации.

Различным оказалось также количество сенаторских должностей в Короне и Литве. В Короне до Люблинской унии существовало 11 католических епископств, в Литве — четыре

(два в 1569 г. были включены в состав Польши). Еще более серьезные отличия наблюдались в количестве воевод и каштелянов. После Люблинской унии Литва делилась на 8 воеводств (9 вместе со Смоленским) и Жмудь (во главе со старостой). В каждой из этих территориальных единиц имелся один каштелян. В то же время в Короне количество аналогичных должностей было несравнимо больше, при этом оно варьировалось в разных территориальных единицах. Особенно многочисленными были так называемые «лавочные» каштеляны, находившиеся внизу чиновничьей иерархии.

Эволюция положения Великого княжества Литовского в рамках Речи Посполитой не завершилась в 1569 г. Вплоть до 1588 г. имел место ряд важнейших для его определения явлений, таких как создание Литовского трибунала или принятие III Литовского Статута. В то же время реализация ряда других литовских устремлений к «исправлению унии» (в виде возвращения потерянных в 1569 г. земель, исключительного контроля над Лифляндией или внесения более серьезных изменений в структуру государственной власти¹) оказалась невозможной.

Таким образом, положение Литвы в рамках созданного в Люблине государства было весьма неоднозначным и оказалось равнодействующей различных факторов: создание единого государства вместе с единой системой органов власти при сохранении некоторых отдельных институтов власти в Польской Короне и в Великом княжестве; объединение отчасти сходных, но во многом не совпадающих систем территориально-административного, судебного, политического и военного деления Польши и Литвы; включение четырех литовских воеводств в состав Короны и даже отличий в структуре католической церкви.

К таким элементам стоит отнести уже само название Великого княжества Литовского. При этом важно не столько наличие этого формального признака, сколько его семантическое поле и способ употребления. Анализ понятийного аппарата сеймикового делопроизводства показывает, что оно было одним из наиболее часто употребляемых терминов, что является ярким свидетельством дуализма Речи Посполитой и неотъемлемой частью литовской

идентичности.² При этом отчетливо видно, что и у литовской шляхты не возникало сомнений относительно способа самоопределения: встречаются многочисленные примеры, когда она называла себя шляхтой «Великого княжества Литовского», тогда как самообозначение «польская шляхта» (на якобы частое употребление этого термина указывал Х. Виснер)³ являлось скорее исключением, а словосочетание «шляхта Короны» литовской шляхтой в подобных целях совсем не использовалось.⁴

Наличие собственной четко определенной территории и ее границ позволяло, без всякого сомнения, отличать Литву от Короны. Именно вопрос о проведенных в 1569 г. территориальных изменениях являлся ключевой проблемой, решение которой оставалось вплоть до начала правления Сигизмунда III главным приоритетом литовской политики.⁵ В польско-литовских отношениях острые территориальные споры вспыхивали и позднее, например, спор о принадлежности завоеванного в 1611 г. Смоленска, о передаче России Трубчевска в 1640-е гг.⁶ или возникающий время от времени вопрос о разграничении территории литовских и коронных воеводств.⁷ Стоит при этом отметить, что вопрос границ являлся отнюдь не чисто формальным, он был неизбежно связан с целым рядом ключевых моментов, в том числе с определением территориальной юрисдикции коронных и литовских судов, с наличием разных систем материального и процессуального права, с определением компетенций налоговых органов, с возможностью получения должностей в том или ином воеводстве и повете.

Следующим элементом государственного суверенитета Великого княжества являлись: наличие отдельных центральных должностей, наличие собственной литовской судебной системы (прежде всего Литовского трибунала),

² См.: Амброзьяк Т. Понятийный аппарат сеймиковых источников конца XVI — первой половины XVII века как проявление политической культуры шляхты Великого княжества Литовского // Славяноведение. 2016. № 2. С. 59.

³ См.: Wisner H. Rzeczypospolite szlachty litewskiej (schyłek wieku XVI — pierwsza połowa XVII wieku) // Barok. 2006. T. 13, № 1 (25). S. 21.

⁴ См. Об этом подробнее: Амброзьяк Т. Указ. соч. С. 60, 61.

⁵ См.: Lulewicz H. Op. cit. S. 52.

⁶ См.: Амброзьяк Т. Отношение литовских сеймиков к передаче Трубчевска Московскому государству в 1645–46 гг. // Ваенныя трыумфы эпохі Вялікага Княства Літоўскага: зборнік навуковых прац, Мiр, 2018. С. 191–212.

⁷ См. об этом подробнее: Wilkiewicz-Wawrzyńczyk A. Spory graniczne polsko-litewskie w XV–XVII w. Wilno, 1928. S. 185–192; Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій прибережної України в XV–XVIII ст. Кордони воеводств у світлі джерел. Київ, 1993. С. 138, 139.

¹ См.: Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588. Warszawa, 2002. S. 47–53.

а также системы материального права в лице III Литовского Статута. Отличительной чертой литовского партикуляризма того времени являлось то, что литовская шляхта уделяла внимание главным образом сохранению имеющихся у Великого княжества элементов государственности, а предпринимаемые ею действия являлись скорее ответом на те шаги со стороны короля или коронной шляхты, которые воспринимались как угроза для прав или интересов Литвы.

В отличие от периода 1569–1587 гг., во время правления первых двух Вазов не приходится говорить о какой-либо долгосрочной и целенаправленной литовской программе действий. Об этом свидетельствуют результаты анализа наиболее часто встречаемых постулатов, касающихся прежде всего конфликтов коронных и литовских маршалков⁸ или компетенций судов, в том числе Литовского трибунала. Данные вопросы поднимались в литовской парламентской жизни не постоянно, а по мере обострения соответствующих проблем. Сеймики лишь изредка обращались к данным вопросам, да и то, скорее всего, в связи с жалобой заинтересованного лица. К примеру, генеральный сеймик в Слониме в 1615 г. высказал поддержку литовскому великому маршалку Кшиштофу Дорогостайскому⁹ в ответ на его письмо с жалобой на посягательства на его компетенции со стороны коронного надворного маршалка Михала Вольского.¹⁰

Единственным известным нам примером организованных действий для защиты компетенций отдельных литовских институтов власти является кампания, которую, вероятно, провел литовский надворный маршалок Казимеж Леон Сапега в 1640-е гг. Судя по инструкциям браславского¹¹ и слонимского¹² сеймиков 1645 г., он внес перед Литовским трибуналом публичную манифестацию против соглашения, заключенного между литовским надворным маршалком Александром Людвиком Радзивиллом и коронным великим маршалком Лукашем Опалиньским, которое отчасти ограничивало компетенции литовских надворных маршалков в пользу коронных и литовских великих маршалков.¹³ Протест Сапег

поддержали все сеймики, инструкции которых нам известны: браславский,¹⁴ гродненский,¹⁵ минский,¹⁶ новогрудский¹⁷ и слонимский.¹⁸ При этом сходство встречаемых в источниках формулировок позволяет предполагать, что сам Сапега активно старался заручиться поддержкой сеймиков.

Следующий важной особенностью функционирования Великого княжества в системе государственного управления Речи Посполитой являлось предоставление права занятия постов в Великом княжестве лишь литовской шляхте, что противоречило 14-й статье акта Люблинской унии, но было введено еще 3-й статьей III раздела I Литовского Статута и подтверждено в 9-й статье III раздела II Литовского Статута (1566), а также, в еще более развернутой форме, в 12-й статье III раздела III Литовского Статута (1588). Данный момент являлся неотъемлемой чертой существования отдельных литовских институтов и именно так понимался самими литвинами.

Вокруг этого вопроса вспыхнул, пожалуй, самый острый спор того времени — конфликт, который возник в 1591 г. вследствие назначения Сигизмундом III луцкого епископа поляка Бернарда Мацеевского на должность виленского епископа.¹⁹ Это решение вызвало резкое сопротивление со стороны шляхты и магнатов Великого княжества, выразившееся в рамках как формальных механизмов парламентской системы Литвы,²⁰ так и неформальных путей влияния.²¹ Несмотря на колебания отдельных представителей литовской элиты, например Льва Сапег, литвинам удалось все же отстоять имеющиеся ограничения.

Существенным для поддержания статус-кво Литвы в общегосударственной системе

¹⁴ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 117.

¹⁵ Ibid. K. 123.

¹⁶ Ibid. Rkps 360. K. 481.

¹⁷ BCzart. 375. K. 851.

¹⁸ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 120.

¹⁹ См. Об этом подробнее: Lewicki K. Walka o biskupstwo wileńskie z końcem XVI w. Echa separatyzmu litewskiego // Prace historyczne w 30-lecie działalności profesorskiej Stanisława Zakrzewskiego. Lwów, 1934. S. 295–311; Rzońca J. Spór o biskupstwo wileńskie na sejmach schyłku XVI wieku // Wilno — Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur: Materiały I Międzynarodowej Konferencji. Białystok, 1992. T. 2. S. 23–52.

²⁰ См., напр.: AGAD. AR II 245. K. 4–6; Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильно, 1875. Т. 8. С. 327, 328, 333, 334.

²¹ См., напр.: AGAD. AR V 13855/V. K. 43; PHB. Ф. 971. Оп. 2. Авт. 234. № 149; AGAD. AR IV 508. Nr. 95; AGAD. AR IV 292. Nr. 107.

²² См.: Czwołek A. Piórem i buławą: działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego. Toruń, 2012. S. 104.

⁸ См.: Sereyka J. Konflikty marszałków koronnych z litewskimi od unii lubelskiej do połowy XVII wieku // Świat pogranicza. Warszawa, 2003. S. 211–218.

⁹ BCzart. 2245. Nr 11. S. 86, 87.

¹⁰ AGAD. AR V 3213.

¹¹ BPAN Kraków. Rkps 365. K. 117.

¹² Ibid. K. 120.

¹³ См.: Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce. Warszawa, 1980. T. 1. S. 520, 521.

власти являлось сохранение соответствующего положения в совместных органах Речи Посполитой. Ключевое значение приобретало при этом место Литвы в деятельности сейма. Однако вопреки мнению Х. Виснера, полагавшего, что представители Великого княжества постоянно требовали проведения каждого третьего сейма в Литве,²³ здесь не возникало особых конфликтов. Исключением являлись лишь вспыхивавшие время от времени споры о компетенциях литовских и коронных маршалков. Несмотря на это, положение Великого княжества в рамках сейма являлось полем определенного (хотя в какой-то степени вынужденного) консенсуса, а литовские сеймики почти не требовали его уравнивания.²⁴

Стоит отметить, что в парламентской структуре Речи Посполитой был выработан институт, который не предусматривался Люблинской унией, но при этом имел существенное значение для функционирования Великого княжества Литовского и для сохранения им определенной государственной самостоятельности. Речь идет о виленской конвокации, которая из неформальных съездов литовской элиты преобразовалась во вполне сформированный орган, имеющий свою структуру, процедуру (в том числе созыва сеймиков и выбора послов аналогично предсеймовой кампании) и делопроизводство, а также определенные компетенции, прежде всего касающиеся сбора налогов.

Однако тот институт, который во время бескоролья мог быть для литовской элиты удобным местом консультаций и принятия решений, как ни парадоксально, встречался с серьезным сопротивлением со стороны шляхты Великого княжества, когда Стефан Баторий и Сигизмунд III созывали его для сбора налогов в случае невозможности созыва или предполагаемого неудачного результата работы сейма.²⁵ Стоит лишь задуматься над тем, были ли представляемые литвинами аргументы о том, что виленские конвокации противоречат постановлениям Люблинской унии, проявлением действительного стремления к «единству с коронными братьями»²⁶

²³ См.: Wisner H. *Naprawa państwa w uchwałach sejmików Wielkiego Księstwa Litewskiego w pierwszej połowie XVII w.* // *Studia polsko-litewsko-białoruskie*. Warszawa, 1988. S. 38.

²⁴ См. об этом подробнее: Амброзьяк Т. Вопрос о роли и значении Великого княжества Литовского в функционировании сейма Речи Посполитой в выступлениях литовских сеймиков в конце XVI — первой половине XVII вв. // *Вестн. Вят. гос. ун-та*. 2016. № 7. С. 14–22.

²⁵ См.: Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763*. Warszawa, 2002. S. 243–266.

²⁶ *Ibid.* S. 265.

или удобным аргументом против сбора дополнительных налогов.

Проявление двойного характера государства отчетливо видно также в понятийном аппарате литовского сеймикового делопроизводства. Наглядным примером отражения в языке дуалистической структуры государства являлось частое употребление выражений «Корона и Великое княжество Литовское», тем более что использовавшиеся для обозначения обеих частей Речи Посполитой выражения имели четко определенный территориальный десигнат, который сложно было неверным образом истолковать.²⁷

Однако в этой двойственной структуре государства позиция Литвы оказывалась неравной положению Польши. Об этом свидетельствуют: структура правовых институтов Речи Посполитой, в которых первое место отводилось Короне; титул монарха, в котором титул короля польского находился перед титулом великого князя литовского; способ и место выбора монарха, а также его коронации, что проходило исключительно в Короне. Отчетливее всего это неравенство проявлялось, пожалуй, в структуре и способе функционирования сейма. В период правления двух первых Вазов он собирался исключительно в Короне. Литва получила также непропорционально малое количество представителей в обеих палатах сейма. В Посольской избе Великое княжество имело 44 посла из 166. Еще менее выгодное для Литвы соотношение было в сенате: из 140 сенаторских мест ей было отдано лишь 27. Более того, несмотря на то что в иерархии мест представители Короны и Литвы были перемешаны, все же как в сенате, так и в Посольской избе первые места занимали коронные сенаторы и послы. Самый высокий из литовских сенаторов — виленский епископ — занимал лишь пятое или шестое место (попеременно с познанским епископом); среди светских сенаторов самый высокий представитель Литвы — виленский воевода — занимал четвертое место.

Неравенство положения Короны и Литвы прослеживается и в области понятийного аппарата литовского сеймикового делопроизводства. Что интересно, в документах почти всегда название «Корона» встречается на первом месте, перед термином «Великое княжество». Это является, на наш взгляд, отражением того, что даже сама литовская шляхта осознавала

²⁷ См. об этом подробнее: Амброзьяк Т. Понятийный аппарат... С. 60, 61.

первенство Короны в рамках совместного государства и ее положение как своего рода «старшего брата».²⁸

Иногда, как справедливо отметил А. Закжевски, Великое княжество становилось лишь одной из трех провинций Речи Посполитой.²⁹ Действительно, как в государственной структуре Речи Посполитой, так и в сознании самой литовской шляхты присутствуют элементы, которые позволяют говорить о роли Великого княжества Литовского как одной из частей польско-литовского государства, наряду с Великой и Малой Польшей.

Проявления этого феномена мы видим в самом соотношении территории и численности населения Короны и Литвы, составляющем примерно 2:1. Итак, не считая Лифляндии, находившейся в совместном владении Литвы и Короны, Великое княжество Литовское после Люблинской унии занимало площадь около 297 тыс. кв. км. Совместная площадь Короны и Литвы составляла около 815 тыс. кв. км, а Речь Посполитая в целом (вместе с Лифляндией) обладала территорией около 867 тыс. кв. км. Таким образом, Великое княжество Литовское после Люблинской унии занимало (без учета Лифляндии) около 36 % территории совместного государства, т. е. чуть больше, чем одну треть.

Сложнее охарактеризовать соотношение численности населения обеих частей Речи Посполитой, прежде всего из-за недостаточных сведений исторической демографии. По подсчетам разных исследователей, численность населения Литвы в границах после 1569 г. составляла от 2,5 до 3,5 млн человек, а всей Речи Посполитой — 7,5–8,0 млн человек. Таким образом, население Великого княжества Литовского после 1569 г. составляло, по разным подсчетам, от 33 до 44 % населения всей Речи Посполитой, т. е. больше одной третьей.

Иным проявлением этого феномена была структура и способ функционирования парламентской системы Речи Посполитой, в особенности сейма. Каждая из трех провинций (Великая Польша, Малая Польша и Великое княжество Литовское) обладала правом альтернаты, т. е. поочередного выбора своего представителя на должность маршалка Посольской избы. Подобное соотношение встречаем также в других элементах сеймовой процедуры, например при выборе членов комиссий.

Детальный анализ содержания сеймовых инструкций дает возможность утверждать, что сама литовская шляхта иногда воспринимала место Великого княжества как одной из трех провинций Речи Посполитой. К примеру, в 1646 г. виленский сеймик выдвинул требование обеспечить литовских послов на сейм третьей частью жилых дворов, обосновывая свою позицию тем, что «всегда третья часть тяжести Княжество Литовское нести привыкло».³⁰ Как ни парадоксально, подобное «уменьшение» значения Литвы иногда могло быть выгодным для самой литовской шляхты, а вопросы размера налогообложения были для нее, скорее всего, более насущными, чем абстрактные представления о положении Великого княжества в системе власти.

Более того, Литве иногда отводилось место лишь одного из нескольких регионов государства, примером чего может служить уже упомянутое далеко не пропорциональное количество сенаторских должностей. Также генеральный сеймик, собиравшийся в Великом княжестве перед сеймом (сначала в Волковыске, а потом в Слониме), имел свои аналогии не только в Великой и Малой Польше, но и в Мазовии, русских воеводствах Короны и в Королевской Пруссии.

Все это позволяет дополнить наблюдения А. Закжевского и выдвинуть тезис о том, что данная эволюция имела свои корни еще в XVI в. и во многом зависела от той государственной структуры Речи Посполитой, которая под влиянием различных факторов сложилась в результате Люблинской унии. Эти, казалось бы, несовпадающие представления (Великое княжество как одна из трех провинций и как одна из двух частей Речи Посполитой) существовали параллельно, а данную двойственность как в структуре Речи Посполитой, так и в мышлении литовской шляхты мы можем наблюдать уже в конце XVI — первой половине XVII вв.

Можно констатировать, что таким образом было определено своеобразное пространство консенсуса, заключающегося, с одной стороны, в учитывании представителями Короны имеющих у Литвы элементов самостоятельности, а с другой — в принятии и одобрении литовской шляхтой далеко не однозначного положения Великого княжества в структуре совместного государства. Стоит отметить, что в первой половине XVII в. прекратил свое существование генеральный сеймик в Слониме (подоб-

²⁸ Там же.

²⁹ См.: Zakrzewski A. B. *Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.): prawo — ustrój — społeczeństwo*. Warszawa, 2013. S. 281.

³⁰ BCzart. TN 140. Nr. 61. K. 240.

ная участь, кстати, ожидала все генеральные сеймики, кроме прусского). С 1620-х гг. заметно реже (во многом в связи с сопротивлением самих литвинов) стала собираться виленская конвокация: Владислав IV созвал лишь одну, в 1634 г., тогда как Сигизмунд III и Стефан Баторий созывали их намного более часто.³¹

Вывод о постепенной эволюции как литовских представлений о месте Великого княжества в рамках Речи Посполитой, так и отношения к самому совместному государству подтверждается также анализом понятийного аппарата сеймикового делопроизводства, отличительной чертой которого являлось постепенное формирование представления о единстве Речи Посполитой, а также о Литве как о ее неотъемлемой части.³² Это позволяет говорить о грядущей, хотя далеко не беспрепятственной, интеграции обеих частей польско-литовского государства в период правления двух первых Вазов.

Подобные изменения были вызваны комплексом причин. Сосуществование в рамках единой государственной структуры, участие в совместных институтах власти, вовлечение в общегосударственную парламентскую систему и, следовательно, необходимость уделять внимание ряду проблем, выходящих за рамки чисто литовских интересов — это те институциональные факторы, которые обусловили интеграционные процессы. Следует также учесть огромное значение влияния используемой понятийной системы, прежде всего комплексного понятия «речь посполитая», через которое транслировалось представление о единстве общества, государства и его органов власти

(в первую очередь сейма), что вызывало самоотождествление представителей шляхетского сословия с более широкой общностью. Нельзя при этом забывать о влиянии внешнеполитических факторов, прежде всего субъективно воспринимаемой в качестве насущной военной угрозы со стороны Швеции и России, а также о постепенной языковой полонизации литовской шляхты или о ее родственных связях с польской шляхтой и аристократией.

Как ни парадоксально, но постепенная интеграция Литвы в рамках Речи Посполитой сопровождалась процессом децентрализации, имевшим место в XVII в., который не обходил стороной и Великое княжество. Постепенное увеличение компетенций и реального значения поветовых сеймиков сопровождалось появлением признаков кризиса центральной власти, в особенности сейма. Поветовые сеймики начинали претендовать на утверждение решений сейма в области налогообложения или оставлять за собой право на согласие на сбор дополнительных ставок.

К сожалению, в историографии до сих пор не проведен детальный анализ того, каким образом процесс интеграции Литвы с Коронай соотносился с общим процессом децентрализации. Кажется интересным и заслуживающим внимания вопрос, почему этот процесс повлек за собой усиление институциональной позиции и реального политического веса лишь регионов (поветов, земель, воеводств), не усиливая одновременно партикулярные тенденции более крупных единиц, таких как Великое княжество Литовское. Возможно, этот вопрос является полем дальнейших исследований.

Tomasz Ambroziak

Candidate of Historical Sciences, Polish Institute (Russia, Moscow)

E-mail: tomasz.ambr@gmail.com

POSITION OF LITHUANIA WITHIN THE STATE POWER

OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH AFTER THE UNION OF LUBLIN

The article considers the place of the Grand Duchy of Lithuania in the structure of state power in the Polish-Lithuanian Commonwealth and the attitudes of Lithuanian local dietines towards it in the second half of the 16th — first half of the 17th centuries. The author analyzes the role of the Grand Duchy in the structure of the Polish-Lithuanian state. In order to identify the attitudes of the broader strata of the gentry class at the local level, the sources of Lithuanian poviet dietines are studied. The article analyzes both the common institutions of power of the Commonwealth and the signs of Lithuanian statehood after the Union of Lublin: existence of its own name and its role in the formation of Lithuanian identity, existence and size of its own territory and institutions of power. Not

³¹ См.: Радаман А. Галоўны з'езд Вялікага княства Літоўскага // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 3 т. Т. 1: Абаленскі–Кадэнцыя. Мінск, 2007. С. 487–489.

³² См. Об этом подробнее: Амброзьяк Т. Понятийный аппарат... С. 62.

only does the author determine the formal institutional framework of Lithuania in the structure of the Commonwealth, but he also answers a question, whether the Grand Duchy of Lithuania was one of the two components of the Polish-Lithuanian state or only one of its several regions, and to what extent its position corresponded to the ideas of the Lithuanian gentry.

Keywords: *Grand Duchy of Lithuania, Polish-Lithuanian Commonwealth, dietines, Lithuanian particularism, integrational processes*

REFERENCES

- Ambroziak T. [The question of role of the Grand Duchy of Lithuania in functioning of seym of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the speeches of Lithuanian sejmiks in the late 16th – first half of the 17th century]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2016, no. 7, pp. 14–22. (in Russ.).
- Ambroziak T. [The attitude of Lithuanian sejmiks to the transfer of Trubchevsk to the Moscow State in 1645–1646]. *Vajennyja tryumfy epochi Vialikaha Kniastva Litoŭskaha: zbornik navukovych prac*. [The military triumphs of the era of the Grand Duchy of Lithuania: a collection of scientific works]. Mir: Muzej “Zamkavy kompleks “Mir” Publ., 2018, pp. 191–212. (in Russ.).
- Ambroziak T. [Notions apparatus of the sejmiki sources in the late 16th – early 17th centuries as a manifestation of political culture of the Great Principality of Lithuania]. *Slavianovedenie* [Slavic studies], 2016, no. 2, pp. 51–63. (in Russ.).
- Krikun M. *Administratyvno-terytorial'nyy ustroy pravoberezhnoyi Ukrayiny v XV–XVIII st. Kordony voévodstv u svitli dzherel* [The administrative and territorial organization of the right-bank Ukraine in the 15th–18th centuries. The borders of the voivodeships in the light of the sources]. Kiev: AN Ukrayiny, In-t ukr. Arkheohrafiyi Publ., 1993, 186 p. (in Ukrainian).
- Radaman A. [The main Congress of the Grand Duchy of Lithuania]. *Vialikaje kniastva Litoŭskaje: Encyklopedyja* [The Grand Duchy of Lithuania: Encyclopedia]. Minsk: Bielaruskaja Encyklopedyja imia Pietrusia Broŭki Publ., 2007, vol. 1, pp. 487–489. (in Belarusian).
- Czwołek A. *Piórem i bulawą: działalność polityczna Lwa Sapiehy, kanclerza litewskiego, wojewody wileńskiego* [Pen and mace: political activity of Lev Sapieha, Lithuanian chancellor, voivode of Vilnius]. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012, 734 p. (in Polish).
- Lewicki K. [The battle for the Vilnius bishopric at the end of the 16th century Echoes of Lithuanian separatism]. *Prace historyczne w 30-lecie działalności profesorskiej Stanisława Zakrzewskiego* [Historical works on the 30th anniversary of professor Stanisław Zakrzewski]. Lviv: Komitet Byłych Uczni, 1934, pp. 295–311. (in Polish).
- Lulewicz H. *Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588* [Wraths about the union, continuation. Polish-Lithuanian relations in the years 1569–1588]. Warsaw: Neriton, 2002, 457 p. (in Polish).
- Rachuba A. *Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763* [The Grand Duchy of Lithuania in the parliamentary system of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the years 1569–1763]. Warsaw: Wydawnictwo Sejmowe, 2002, 373 p. (in Polish).
- Radziwiłł A. S. *Pamiętnik o dziejach w Polsce* [Diary about history in Poland]. Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980, vol. 1, 569 p. (in Polish).
- Rzońca J. [A dispute about the Vilnius bishopric at the Sejms at the end of the 16th century]. *Wilno – Wileńszczyzna jako krajobraz i środowisko wielu kultur. Materiały I Międzynarodowej Konf.* [Wilno – Vilnius region as a landscape and environment of many cultures. Materials of the 1st Intern. Conf.] Białystok: Towarzystwo Literackie im. Adama Mickiewicza. Oddział Białostocki, 1992, vol. 2, pp. 23–52. (in Polish).
- Seredyka J. [Conflicts of the great marshals of the Polish Crown with Lithuanian marshals from the Union of Lublin until the mid-17th century]. *Świat pogranicza* [The world of the borderland]. Warsaw: DiG, 2003, pp. 211–218. (in Polish).
- Wilkiewicz-Wawrzyńczyk A. *Spory graniczne polsko-litewskie w XV–XVII w.* [Border disputes between Poland and Lithuania in the 15th–17th centuries]. Wilno: Drukarnia Artystyczna „Grafika”, 1928, 200 p. (in Polish).
- Wisner H. [Repair of the state in the resolutions of the sejmiks of the Grand Duchy of Lithuania in the first half of the 17th century]. *Studia polsko-litewsko-białoruskie* [Polish-Lithuanian-Belarusian studies]. Warsaw: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988, pp. 33–50. (in Polish).
- Wisner H. [Commonwealth Lithuanian nobility (in the late 16th century – first half of the 17th century)]. *Barok* [Baroque], 2006, vol. 13, no. 1 (25), pp. 17–29. (in Polish).
- Zakrzewski A. B. *Wielkie Księstwo Litewskie (XVI–XVIII w.): prawo – ustroj – społeczeństwo* [The Grand Duchy of Lithuania (16th–18th centuries): law – system – society]. Warsaw: Wydawnictwo “Campidoglio”, 2013, 323 p. (in Polish).